

Василий Иванович Немирович- Данченко

Джамаат

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Джамаат**

Улочка, бежавшая вверх ступенями, изогнулась коленом, пропала во мраке под старую башней и снова по ту сторону выбежала на солнце. Тут построились аульные купцы и ремесленники. Сакли их открывались наружу, опуская над улицей пёстрые навесы, поддерживавшиеся тонкими жердями. В их тени кипела своеобразная жизнь дагестанского базара. Стучали молотки чеканщиков по медным тазам и подносам, шипело в маленьких горнах пламя горских кузнецов, и брызгали во все стороны искры от подков, выковывавшихся здесь на славу. Рядом кумухцы молчаливо и сосредоточенно расшивали золотыми шнурками и шелками сёдла, кожи для туфель; целыми сотнями приготавливались чевяки. Своеобразные ювелиры наводили чернь на серебро. Зеваки стояли сплошною толпою перед оружейниками, набивавшими золотые узоры на узкие дула ружей, на сталь шашек и кинжалов. Сердолик, бирюза, рубины — вдевались на рукояти. Около небольших лавчонок с канаусом, дараей и верблюжьим сукном, безмолвными призраками мелькали лезгинки, закутанные с головой в серые от

пыли и грязи чадры, глядя жадно на пёстрые персидские материи. Увидев молодёжь, стремившуюся в джамаат, — лезгинки по местному обычаю отвернулись лицом к стене и словно замерли, пропуская их мимо. Только несколько девочек-подростков с любопытством пялили большие глаза на мужчин. До тринадцати лет девочек не прятали, и они, бегая по улицам, росли на свободе, обвешанные серебряными монетами, звеневшими при каждом движении ребёнка. Одна из девочек подбежала к Гассану, застенчиво и дико ткнулась ему головою в руку, как котёнок, просящий ласки. Старик засмеялся, узнав племянницу, и погладил её голову, всю в мелко-мелко заплетённых и перевитых с золотыми шнурками косичках.

Отсюда уже было недалеко до площади перед мечетью.

Справа и слева в канавках журчала вода, бежавшая таким образом сверху из общественного бассейна. Ещё несколько шагов, и гудекан раскинулся перед Гассаном, киша большими группами собравшегося народа. Джансеид и Селим остались с другой молодё-

жью у края площади, а старики важно прошли вперёд на почётные места, под громадное дерево, с таким трудом ещё их прадедами выращенное перед мечетью. В тени его неподвижно и истово уж сидели крашенные бороды лезгинского аула. На приветствия подошедших они ответили также величаво и опять погрузились в вечное созерцание своего достоинства и в удивление к нему. Между ними шныряли муталлимы — ученики муллы, готовившие себя в служители пророку, и расстилали на земле небольшие коврики для остальных, которые ещё должны были собраться на призыв будуна.

— Да будет благословен твой приход! — прошептал такой же юноша, расстилавший коврик для Гассана.

— Магомет да вспомнит тебя, — ответил тот и медленно опустился, поглаживая бороду и смыкая глаза, точно от усталости.

Никто не обнаруживал любопытства, зачем их созвали сюда, хотя равнодушных в этом отношении здесь не было. Следовала ждать появление муллы, — поэтому старики нет-нет да и взглядывали исподлобья напра-

во, где рядом с мечетью была в глухой стене прорезана калитка. Когда все коврики оказались занятыми, муталлимы кинулись опрореметь к ней. Собрание замерло. Смолкла даже нетерпеливая молодёжь, толпившаяся по краям площади. Она не смела садиться в присутствии стариков и потому, по горскому обычаю, стояла, опираясь правою рукою на кинжал, а левую закинув назад за позумент отделанного серебром пояса. Джансеид с Селимом выдвинулись вперёд. У обоих не было отцов, и потому они пользовались значением старших в своих семействах.

Медленно отворилась калитка, и в ней показался в зелёной чалме и таком же халате согбенный турецкий мулла, накануне приехавший в аул. Длинная, седая борода его низко падала на грудь, в руках у него был посох. По всей толпе джамаата пробежал шёпот сдержанного приветствия, и руки присутствовавших замелькали, касаясь сердца, уст и головы. Мулла всмотрелся подслеповатыми глазами в толпу и, подхваченный муталлимами, не отвечая на горский поклон, тихо направился к своему месту. Через каждые пять

шагов, по местному церемониалу он останавливался и отдыхал. За ним следовал местный мулла, наклонясь и стараясь всей особой изобразить величайшее почтение. Позади, сверкая богатым оружием, золотом ножен и рукоятей кинжала и шашки, широкими позументами черкески, серебром патронов и пистолетных головок, торчавших из-за пояса, гордо закинув на затылок белую папаху, показался кабардинский князь, гостивший в ауле, с целою свитою узденей и нукеров. И тотчас же плоские кровли саклей, выходящих на площадь, их балконы и веранды, крыша и карнизы мечети покрылись сплошь закутанными в белое женщинами; они усаживались одна к другой плотно, стараясь выгадать как можно больше места для соседок, знакомых, со всех концов аула торопившихся сюда по таким же кровлям и лесенкам. Со стороны показалось бы, что, испуганные какою-то страшною опасностью, они бегут от края аула к его центру, не разбирая, какими путями им приходится достигнуть этого убежища.

Мулла с гостями уселись.

Позади кабардинского князя стеною стала блестящая свита, гордо поглядывая на лезгин и щеголевато оправляясь. В лезгинских аулах кабардинцы считали себя прирождёнными господами и не без пренебрежения относились к своим союзникам и единоверцам.

— Честь и почёт нашим гостям, благословение народу! — тихо проговорил старый мулла.

И гости, и народ, наклоняясь, ответили шёпотом:

— Милосердие Аллаха да почиет над всеми нами.

Мулла обвёл глазами молодёжь и, остановив взгляд на Джансеиде, подозвал его к себе.

— Пойди, мой сын, и приведи на джамаат пленного уруса... Скажи, что он нужен народу, — пусть не боится. Здесь ему никто не делает зла.

Когда ушёл Джансеид, — лезгинское народное собрание недолго хранило почтительное молчание. Мулла слишком долго думал, разглаживая длинную бороду, а турецкий гость не считал сообразным с своим достоинством начать беседу ранее, чем тот не преду-

предит стариков о том, кто он и зачем приехал. Но оба они рассчитали, не приняв в соображение нетерпения молодого кабардинского князя. Тому надоело стоять под лучами сильно уже припекавшего солнца, и он вдруг вскинул ещё более на бритый затылок папаху, вышел вперёд и вызывающе посмотрел на лезгин.

— Привет джамаату... Я пришёл к вам из вольной Кабарды узнать, не ткут ли у вас мужчины холстов, и не стали ли женщины носить за них ружья и кинжалы.

Старик Гассан вспыхнул. Его подслеповатые глаза загорелись молодым блеском. Он поднялся и громко заговорил, обращаясь к узденю:

— Лезгинские женщины не раз учили кабардинских князей храбрости, и, во всяком случае, ни у одной лезгинской матери не могло быть сына, не знающего, что когда старики молчат, — молодым щенкам лаять не следует.

Свита узденя схватилась за рукояти кинжалов. Сам князь, отступив назад, смерил с ног до головы Гассана и круто обернулся к тому углу площади, где собралась молодёжь.

— Мне неприлично мериться с крашеными бородами, но если из вас найдётся кто-нибудь...

Селим, очи которого из под нахмуренных бровей давно уже сверкали недобрым огоньком, в одно мгновение оказался лицом к лицу с кабардинцем. Рука его была, как и у противника, на рукояти кинжала... «Аман», — страстным воплем вырвалось из толпы женщин с ближайшей кровли. Испугавшаяся за своего жениха Аслан-Коз даже чадру сбросила и во весь рост выпрямилась. К счастью, мулла, наконец, поднялся и тихо заговорил, обращаясь к старикам, сидевшим вокруг:

— Успокойся, князь! Лезгинские юноши нисколько не благоразумнее тебя, и до сих пор ещё никто безнаказанно не садился к ним на плечи. А вы должны помнить, что наш гость Сефер-Хатхуа известен в горах давно, как первый джигит своего народа, что до сих пор всякий бой с неверными, в котором он участвовал, оканчивался торжеством нашей веры и гибелью гяуров. Сефер-Хатхуа со вчерашнего дня под защитой нашего аула.

Услышав фамилию кабардинского узденя,

Селим отступил на шаг и, покорно сложив руки на груди, низко перед ним склонился. Тот опомнился тоже и, приветливо улыбаясь, проговорил:

— Я рад, если ты вместе со мною противу русских покажешь столько же смелости и горячности, сколько у тебя их было теперь.

— Привет джамаату! — продолжал мулла. — Аллах взыскал наш аул великою милостью: таких славных гостей давно уже не было в его каменных стенах. Вчера вечером сюда прибыл из Хунзаха знаменитый светильник веры Ибраим-мулла, к голосу которого с почтением прислушивается сам блистательный султан в Стамбуле. Ибраим-мулла привёз нам привет наших друзей и союзников турок и новости, от которых порадуется сердце всякого истинного лезгина. Мы живём на челе гор, и глаза наши видят далеко; на своей высоте мы ближе к Аллаху, чем жители долин, и потому более чем кто-либо мы должны ценить таких достославных послов. Сам Ибраим-мулла повторит вам то, что он мне сказал вчера. Слова его — цветы, выросшие на тучной почве Халиля. Слушайте его, и пусть ва-

ши души, как и моя, исполнятся их благоуханием.

— Хорошо говорит мулла, — слышалось кругом. Одобрительный шёпот перекинулся к молодёжи и от неё перешёл на кровли к женщинам.

Турецкому мулле нельзя было оставаться в долгу.

— Я давно слышал, — медленно и важно начал он, — о глубокой мудрости муллы Керима и рад теперь, что жажда моей души вполне утолилась, внимая ему. Мулла Керим, таких, как ты, у пророка немного. Если бы Стамбул имел счастье считать тебя своим, — в совете у нашего султана (да продлит Аллах его дни!) было бы одним великим умом больше. Правда, что на высоте гор вы привыкли к орлам небесным, и ваше слово, как и они, тонет в недоступном другом величии. Шейх-уль-ислам много мне говорил о тебе, и сам великий визирь поручил мне испросить твоих великих молитв для него. О, трижды счастливы вы, жители Салтинские, внимающие каждый день мулле Кериму!

Выдержав паузу и заметив впечатление,

произведённое им на собравшихся, Ибраим продолжал:

— Непобедимый меч веры, гроза язычников и христианских собак, наш великолепный султан Махмуд шлёт привет джамаату.

Все, не исключая и муллы, встали и склонились низко, низко.

— Да будет известно всем верным мусульманам, что судьба Москов-султана [1] и всех урусов отныне сочтена и решена окончательно. Султан долго терпел их беззакония, его милостивой душе не хотелось губить их. Он ждал покорности, потому что лукавые послы их, желая спастись от смерти, возили ему «землю и воду» в знак своего вечного рабства. Но теперь он внял воплям мусульман, страдающих в неволе у неверных. Мольбы народов гор и народов долин нашли доступ к его сердцу, и оно открылось им. В эту минуту, когда я говорю с вами, несчётные миллионы его воинов, храбрых, как львы, и кровожадных, как тигры, вторглись в пределы России и всюду сеют смерть и уничтожение. Перед ними — страх, за ними — пустыня. Уже Москов-султан бежал из своей столицы. Войска его раз-

биты [2], вся его судьба — на кончике сабли наследника халифов. Реки и моря покраснели от русской крови. Как тучи опускаются на землю, так и дым пожарищ расстилается по вражеской земле.

— Валлах-Биллах! — слышалось крутом.

Яркая картина, нарисованная муллою Ибраимом, поразила воображение легковерных лезгин.

— Теперь я приехал к вам от имени самого наследника халифов. Султан хочет, чтобы и вам было хорошо. Он и вас зовёт на общий пир всего мусульманского мира. Подымайтесь все от мала до велика. Кабарда готова, Чечня тоже. Князь Сефер-Хатхуа явился со мной свидетельствовать, что всё его племя выступает в священный газават против неверных. Кто хочет носить на себе золото, есть на серебре, иметь рабов и коров, пить бузу и жить, не работая, а заставляя на себя трудиться неверных, — пусть опояшется саблею и выступит вместе с Сефер-Хатхуа.

— Мы все, мы все! — слышался единодушный крик молодёжи.

— Молчать! — удивительно, где нашёл в

старческой груди столько силы дряхлый Гасан. Крик его на минуту покрыл всё. — Молчать! Здесь говорят старики, а молодые слушают. Ибраим-мулла, много прошло лет у Аллаха, прежде чем седина покрыла мою голову, а эти руки ослабели и стали годны только на то, чтобы опираться на посох. В своё время я был не последним бойцом в ауле. Мои сверстники помнят это. Я всегда грудью встречал врага, и на своём теле я могу указать десяток, другой почётных шрамов. У меня было трое сыновей, — и все они погибли во славу Аллаха. Всё, что я имел, — я отдал борьбе с гяурами. Меня поэтому ни ты, ни весь почтенный джамаат не могут подозревать, чтобы я желал мира с ними, — да обрушит Всемогущий на их головы все сто сорок пять тысяч бедствий, о которых говорится в Коране. Но я знаю и наши, и их силы. Тебе, Ибраим-мулла, легко. Ты уйдёшь домой, оставив нас на жертву их мести. Не один раз мы слышали, что великий султан ворвался в пределы России и не щадит там никого, что города неверных разрушены, нет там камня на камне, на их месте посыпана соль. Не раз уже

говорили нам, что у Белого Царя нет ни одного солдата, а победители тонут в крови гяуров. Если бы это было так, — русским пришлось бы оставить Дербент и уйти прочь. Тогда как они ещё недавно захватили Кубанское ханство, старого хана отправили в Тифлис, на Самуре строят крепости, окружили елисуйцев войсками, а в Джаро-Белоканском округе селят казаков. Не раз, слушая таких же, как и ты, Ибраим-мулла, мы кидались в самую кипень боя — и гибли. Султан далеко. Наши раны ему не больны. Запах крови лезгинской не достигает до него. Когда мы голодны, — в Стамбуле едят, как и всегда; когда нам холодно, — там по-прежнему греются у мангалов. Ещё недавно дидойцы послушались вас, — и вот двенадцати аулов ихних как не бывало. Остались только кучи камней, и, где прежде слышались весёлые песни, теперь по ночам воют шакалы. Русские не трогают нас, мы далеки от них. Они долго ещё не дойдут до наших гор, — нам не за чем трогать медведя в берлоге.

— Верно, твои раны слишком болят в ненастные дни, что ты толкуешь о примире-

нии с русскими.

— Неправда, Ибраим-мулла! Не о примирении я говорю, а об осторожности. Сокол — смелая птица, но первая не нападает на орла. Я никогда не был против набегов нашей молодёжи на русских. В таких набегах крепнут юноши и делаются взрослыми. Оттуда они привозят нам много прекрасных вещей и ещё более славных подвигов. Это именно та война, которая нам доступна, но нельзя всему нашему народу подыматься в газават — прежде всего потому, что мы голодны.

— У русских много хлеба.

— Поди и вырви у тигра изо рта ягнёнка. Тебе хорошо, мулла Керим. Ибраим из Стамбула привёз тебе много подарков. Ты заботишься вообще обо всём мусульманском мире, а нам, старикам Салтинского аула, надо только о своих думать. О тех, которые нас выбрали, я сказал то, что я сказал. Если джамаат велит быть газавату, то я первый забуду о боли своих старых ран и покажу молодым, как в наши времена дрались и умирали во славу Аллаха и его пророка.

Старик Гассан сел.

Несколько мгновений все молчали, когда из переулка показался Джансеид с русским пленником. По пути молодому лезгину уже передали, о чём толкуют на джамаате. Пленный, характерный тип солдата того времени, хмурый, но крепкий и стойкий, шёл смело, глядя перед собою. На нём ещё была шинель Ширванского полка, но вся в лохмотьях и прорехах. Солнце посреди площади ослепило его, и он зажмурился. Потом приставил ладони к глазам, осмотрел присутствовавших и, кивнув мулле Кериму, крикнул ему по-лезгински:

— Здравствуй, старый чёрт.

— Мы тебя призвали... — начал было мулла.

— Вижу, что призвали. Не сам к вам, оборванцам, пришёл, Ишь, бритолобый! Ну, давай место солдату.

И, нисколько не стесняясь, он вошёл под тень дерева, отодвинул локтем муллу и сел рядом.

— Теперь давай разговаривать. В чём дело-то? — обернулся он к старику-соседу, долго жившему в России.

— Мулла от турецкого султана приехал, — ответил тот по-русски. — Султан шибко ваших побил, всю Россию повоевал.

Солдат засмеялся.

— Скажи ему, что дурак он... мулла твой! От самого султана дурак.

— Нельзя этого сказать, — испугался старик.

— Скажи ему, что ежели мы ротами вас гнали... взводами от тысяч отбивались, так куда же ей, турецкой шебарде, с русскими справиться?.. У нас войсков не здешним чета... и говорить-то с вами, пустыми людьми, тошно.

Солдат, впрочем, сам уже понимавший полезгински, внимательно прислушивался, как его слова передавал старик, и покачал головой.

— Не то, не то, друг. Давай-ка я сам стану разговаривать с остолопью этой. Ты думаешь, дурья голова, боимся мы вас? Да ежели я один здесь между вами и нисколечко не страшусь, так как же вас вся Россия испугается? Вы ведь бритолобые, в котле сварить меня можете, — а я вам всё-таки подражать не согласен, пото-

му что и в плену присягу помню, и наплевать мне на вас... А только одно вам скажу: забрались вы под небеса под самые, как птицы, так уж и сидите вы смирно. Потому иначе и хвостов от вас не останется. Не было ещё такого народа, чтобы под нозе нам не покорился. Да ты понимаешь ли, слепая сова, — обратился он прямо к Ибраиму-мулле, — о ком ты разговаривать осмелился! Да прикажи царь, так со всеми вами вот что будет. — И, быстро наклонившись, он захватил горсть пыли и сдул её прямо в глаза приезжему мулле.

Тот вскочил. Джамаат всполошился. Ропот негодования раздался повсюду. Кое-кто выхватил кинжалы. Старику Гассану жаль было своего пленного, но он не смел вступить за него.

Солдат спокойно глядел на всех, и на его огрубевшем от бури и стужи лице не отражалось ни малейшего испуга.

— Ну, чего ж вы?.. на одного ширванца не можете, а на всю Россию захотели. Орда, так орда и есть! Дай дорогу, приятель. — и, отстранив локтем муллу, он не глядя ни на кого, пошёл себе с площадки в переулок, а по нем

добрался до своей лачуги.

По пути он смеялся про себя:

«Дикий народ, что задумал! Со мной справиться задача, а на-тко о чём загалдели. И меня бы не поймали, коли бы не стреножили, как лошадь... Ну, да ладно, урвусь я от вас».

Джамаат зашумел по уходе русского. Молодёжь горячилась. Старики одни тихо переговаривались между собою. Даже кабардинского князя, несмотря на его значение, попросили удалиться в сторону. Но и тут крашеным бородам мешал гвалт и крики толпы.

Гассан встал первый и пригласил других...

— Пойдём в мечеть, там обсудим.

За ним последовали и муллы. Молодые лезгины, оставшись на площади, одни стеною окружили Сефер-Хатхуа. Джансеид и Селим, хорошо знавшие о подвигах этого горского удальца, не отводили глаз от него.

— Князь, что бы джамаат ни решил, а мы с тобою.

— Спасибо! Не раскаетесь. Мне нужны храбрые люди.

— Вся наша салтинская молодёжь за тебя.

— Чем больше, тем лучше. У кого оружия

нет, — дам.

— У всех, у всех есть, — слышалось кругом.

— У нас, — заговорил Селим, — хлеба, случается, не бывает, а оружия сколько угодно.

— Много ли из ваших участвовало в схватке с русскими?

— Все почти!

— Мы с дидойцами прежде на них ходили.

— Нас знают под самым Дербентом.

— Пойдите, а кто это из ваших молодых, — только теперь я припомнил, — ворвался в самый Дербент и, проскакав по его улицам, на глазах у русских изрубил несколько солдат?

— Джансеид, Селим, — заорала толпа. — Чего же вы молчите? О вас ведь.

— Джансеид! Селим!

— Вот они, вот эти!

Оба юноши стояли молча, потупясь.

— Слава вам, — радостно взглянул на них кабардинский уздень. — Таких и у нас мало. Абдула! Дай мою чашу.

Один из его свиты кинулся в дом к мулле и принёс оттуда серебряный, очевидно, у рус-

ских отбитый ковш.

— Будем же мы с сегодняшнего дня кунаками и братьями! Будем всегда друг с другом и друг за друга. Умрём все за каждого и каждый за всех!

Джансеид, Селим и Сефер-Хатхуа вытянули правые руки, засучив черкески. Кабардинец, принёсший ковш, чуть-чуть коснулся их кинжалом так, чтобы в ковш попало по несколько капель крови. Из ближайшей сакли принесли бузы. Ею налили ковш до краёв и, положив друг другу на плечо левые руки, трое молодых людей пили её, повторяя каждый:

— На жизнь и на смерть!

Кабардинский князь, благодаря этому, делался родным целому аулу.

Теперь, ещё недавно негодовавшие на него лезгины, умерли бы по одному знаку его руки.

Примечания

1

Так они называли наших государей.

[^^^]

2

Такими вымыслами турецкие послы всегда называли горные набеги на наши границы.

[^^^]